

С.В. Чепель

ИПМИ при Кабинете министров Республики Узбекистан, Ташкент,
Республика Узбекистан

К.А. Бондаренко

ИПМИ при Кабинете министров Республики Узбекистан, Ташкент,
Республика Узбекистан

Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ¹

Нестабильность развития стран СНГ, усилившаяся в последние годы, стала причиной интенсификации миграционных потоков на постсоветском пространстве. Трудовая миграция оказывает разнонаправленное воздействие на различные факторы роста. Она может как ускорять развитие конкретных стран, так и замедлять его. Поставлен вопрос о том, кто в конечном итоге является бенефициантом этих процессов: страны–экспортеры (государства Центральной Азии, Украина) или страны–импортеры труда (Россия). С использованием информационных ресурсов международных организаций и метода инструментальных переменных подтверждена гипотеза о том, что в долгосрочном периоде для развивающихся стран–экспортеров труда высокий уровень трудовой эмиграции (миграции) сдерживает их экономический рост, хотя в определенные периоды развития может возникнуть и иная ситуация. Определено пороговое значение суммы переводов части доходов трудовых мигрантов на родину, при превышении которого знак коэффициента фактора миграции в уравнении экономического роста меняется на противоположный. Получены оценки коэффициентов эластичностей роста по миграции для отдельных стран Центральной Азии. Даны практические рекомендации в части повышения инклюзивного роста в этих странах, в том числе путем ускоренного развития индустриального малого бизнеса и создания большого числа новых устойчивых рабочих мест.

Ключевые слова: миграция, экономический рост, денежные переводы, государственные институты, человеческий капитал.

Классификация JEL: F22, J11, C51, O15, O50, F24.

Введение

Труд, наряду с капиталом и эффективностью, долгие годы рассматривался как основной фактор экономического роста в рамках традиционных моделей прогноза макроэкономической динамики. Однако ускорившиеся в последние годы процессы глобализации мировой экономики, возросший уровень мобильности населения, неравномерность темпов развития различных стран и регионов мира заставляет многих исследователей вносить коррективы в традиционное представление о механизмах воздействия этого фактора на экономический рост. Новыми измерителями труда становятся *сальдо внешней трудовой миграции, качественные характеристики национальных трудовых ресурсов и трудовых мигрантов, а также размеры денежных переводов трудовых мигрантов на свою родину.*

¹ Авторы выражают благодарность академику В.М. Полтеровичу и другим рецензентам за ценные замечания и доброжелательное отношение к нашей работе, а также сотруднику ИПМИ Р. Салаходжаеву за помощь в вопросах эконометрики.

Некоторые из этих факторов, гипотетически, должны позитивно влиять на экономическую динамику, другие – отрицательно. К первым можно отнести приток трудовых мигрантов для стран-импортеров трудовых ресурсов и рост доходов домохозяйств в странах-экспортерах трудовых мигрантов, получателей денежных переводов. Ко вторым – низкое качество (квалификация) прибывающих трудовых мигрантов, рост масштабов теневой экономики в странах-импортерах труда и сокращение численности занятых в странах-экспортерах труда. При этом возникает вопрос о том, кто больше выигрывает от трудовой миграции в краткосрочном и долгосрочном периодах, страны-экспортеры трудовых ресурсов или страны-импортеры.

Особую актуальность эта проблема приобрела на постсоветском пространстве, где в последнее десятилетие сформировалось два полюса миграции: Россия – основная страна-импортер трудовых ресурсов и другие страны ближнего зарубежья, заметная часть трудовых ресурсов которых осваивает рынок труда России (Гонтмахер, 2013). При этом для некоторых стран миграция является критически важным фактором экономического роста (в частности, для Кыргызстана и Таджикистана, где переводы средств трудовых мигрантов вполне сопоставимы или превышают сумму доходов бюджета² их родины (или доходов их государственных бюджетов). О важности этого фактора для стран Центрально-Азиатского региона свидетельствует и то обстоятельство, что величина миграционных потоков в них существенно превосходит среднюю оценку по совокупности развивающихся стран мира (рис. 1).

Ввиду возрастающей значимости миграционного процесса все больший научный интерес вызывает вопрос о количественном влиянии этого фактора на экономическую динамику стран СНГ, поставляющих свои трудовые ресурсы в более развитые государства мира.

1. Обзор литературы

Обобщение существующих по этой проблеме публикаций показывает, что ряд авторов (см., например, (Díaz-Briquets, 1997; Woodruff, Zenteno, 2001; Sana, Massey, 2005)) свидетельствуют о положительном влиянии этого процесса на искоренение бедности, рост доходов

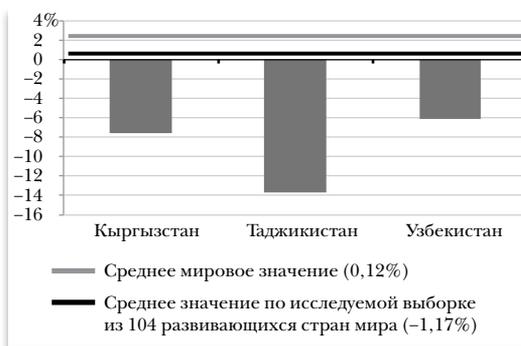

Рис. 1

Показатели чистой миграции отдельных стран Центральной Азии за 2012 г., % к населению

Источник: рассчитан авторами на основе данных WBdevelopment indicators; ФМС Российской Федерации и статистических комитетов стран Центрально-Азиатского региона (ЦАР).

² Так, в 2012 г., по данным Всемирного банка, денежные переводы в Таджикистан составили 47,5% ВВП (52%, по оценкам международных организаций, в 2013 г.), а в Кыргызстане – 30,8% ВВП.

населения и другие факторы развития стран мирового хозяйства. Взаимосвязь между бедностью и миграцией является довольно сложным экономическим процессом. Миграционные решения сильно зависят от отдельных индивидов и их бытовых условий, а также имеющихся социальных условий. Такие факторы, как возраст, уровень образования, материальное положение, наличия собственности на землю и возможностей для трудоустройства непосредственно влияют на участие отдельных лиц и домашних хозяйств в миграции, так же как их взаимоотношения и наличие социальных связей (социальный статус и положение в обществе) (Haberfeld et al., 1999; Rogaly et al., 2001; Mosse et al., 2002).

Исследования показывают, что во многих развивающихся странах значительная доля денежных средств, имеющихся в распоряжении домохозяйств, состоит из доходов мигрантов. Тем не менее полученные денежные доходы не всегда способствуют улучшению благосостояния домохозяйств, так как в некоторых случаях они используются для погашения кредитов и задолженностей или на другие непродуцательные расходы (Mosse et al., 2002).

Результаты исследований подтверждают, что доходы и уровень потребления домохозяйств, часть доходов которых составляют денежные средства мигрантов, как правило, выше, чем у аналогичных домохозяйств, не имеющих средств, полученных извне (Samal, 2006). При этом преимущества в экономическом развитии, накопленные в ходе миграционных процессов, не ограничиваются отдельными домохозяйствами. Денежные переводы трудовых мигрантов играют важную роль в повышении благосостояния отдельных стран и их регионов (Hoddinott, 1994).

Многие исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой *международная миграция человеческого капитала крайне негативно влияет как на общий уровень интеллектуального потенциала страны его происхождения, так и на ее экономический рост* (Beine et al., 2001). В особенности миграция квалифицированной рабочей силы оказывает отрицательное влияние на отдельные качественные и количественные показатели человеческого капитала в стране, а также на ее устойчивый экономический рост.

Влияние масштабов миграционных процессов на экономический рост страны исследовал ряд авторов (Di Maria, Lazarova, 2012; Bildirici et al., 2005; Chen, Fang, 2013). В частности, в (Bildirici et al., 2005) установлено, что влияние миграционных процессов на экономический рост зависит от уровня развития рассматриваемых стран и от того, относится ли страна к импортером или экспортером трудовых мигрантов. Так, за период 1990–2001 гг. для наименее развитых стран, которые, как правило, становятся экспортерами мигрантов, увеличение числа мигрантов повышает темпы прироста ВВП, а для общей выборки из 77 стран, включая и более развитые страны, снижает темпы прироста их ВВП.

При изучении масштабов денежных переводов встречаются результаты исследований как с прямым, так и обратным влиянием этого фактора на экономический рост страны/экономики. Данная зависимость рассматривалась в работах (Catrinescu et al., 2009; Ziesemer, 2012; Goschin, 2014; Nyamong et al., 2012; Imai et al., 2014; Barguelli et al., 2013; Guha, 2013). Некоторые исследователи отмечали, что денежные переводы могут повышать долгосрочный экономический рост как в странах с более высоким качеством политических и экономических институтов (Catrinescu et al., 2009) и в странах Центральной и Восточной Европы (Goschin, 2014), так и в странах со средним доходом менее 1200 долл. США на душу населения (Ziesemer, 2012). Однако несмотря на положительное влияние денежных переводов на экономический рост и снижение бедности, они являются источниками внешних шоков и неустойчивости экономического развития (Imai et al., 2014). Так, резкое повышение или снижение объема денежных переводов может оказывать сильный негативный эффект на экономический рост, в первую очередь в результате возможного ослабления торгового сектора страны и снижения ее внешней конкурентоспособности (Guha, 2013).

Описание влияния качественных факторов миграционных процессов требует введения в уравнение экономического роста таких дополнительных переменных, как доля мигрантов с высшим образованием и доля студентов, изучающих научные дисциплины и развитие технологий из общего числа студентов внутри страны (Di Maria, Stryszowski, 2009). Было установлено, что миграция из страны трудовых ресурсов, имеющих высшее образование, негативно отражается на экономическом росте этой страны. Если же страна принимает в свои университеты на обучение иностранных студентов и их доля в общей численности студентов растет, этот фактор способствует ее развитию).

Таким образом, результаты эмпирических исследований свидетельствуют о важности учета денежных переводов и миграционных процессов в объяснении динамики экономического роста, а быстрый рост миграционных процессов, отражающий процесс усиления неравномерности экономического развития различных стран и регионов мира, повышает значимость этих факторов среди других детерминантов динамики роста.

Однако результаты вышеперечисленных исследований сложно использовать для анализа перспектив экономического развития стран СНГ.

Во-первых, используемая в исследованиях статистика не включает данных посткризисного (2010–2014 гг.) периода, когда начала формироваться новая глобальная финансовая архитектура.

Во-вторых, страновая выборка в большинстве рассматриваемых работ не является однородной, так как она включает в себя как

развитые, так и развивающиеся страны, отражая закономерности развития стран с уже сформировавшимися и с зарождающимися рынками, богатых и бедных природными ресурсами государств.

В-третьих, используемые регрессионные модели носят традиционный характер и не позволяют установить пороговое значение миграционных и качественных факторов, превышение которых меняет направление воздействия отдельных факторов на зависимую переменную, что в некоторых случаях свойственно именно развивающимся странам мира (Полтерович, Попов, 2007).

В данной статье выдвигается и изучается гипотеза о том, что *в долгосрочном периоде в развивающихся странах–экспортеров труда высокий уровень трудовой миграции сдерживает экономический рост, хотя в определенные периоды может возникать и иная ситуация.*

2. Описание моделей

Методической основой изучения этой проблемы, как отмечалось выше, являются многофакторные регрессионные модели, ориентированные на использование панельной межстрановой статистики. Обобщение рассмотренных выше исследований (см., например, (Bildirici et al., 2005; Catrinescu, 2009; Goschin, 2014) и др.) показало, что исследованные здесь модели включают в себя переменные трудовой миграции и контрольные переменные, используемые в классических моделях экономического роста (например, (Barro, 1991)). В обобщенном виде теоретическая модель может быть представлена в виде

$$growth = a_1 + a_2 \ln(GDPpc1990) + \hat{a}_3 migr + \alpha X + \varepsilon, \quad (1)$$

где *growth* – среднегодовое значение прироста ВВП (в процентах к предыдущему году за период 1990–2012 гг.); a_1 – константа; a_2 , α – регрессионные коэффициенты перед зависимыми переменными уравнения; $\ln(GDPpc1990)$ – натуральный логарифм ВВП на душу населения за 1990 г. по ППС; \hat{a}_3 – оценочный коэффициент истинного значения фактора чистой миграции с учетом используемых инструментов; *migr* – доля показателя чистой миграции в процентном соотношении от совокупного населения страны (среднее значение за 1992–2012 гг.); X – вектор контрольных переменных; ε – случайные остатки регрессии. При этом показатели *hdi* (среднее значение индекса человеческого развития за 1990–2012 гг.), *urpop* (среднее значение доли городского населения страны за 1990–2012 гг.), инвестиции и ряд других элементов вектора X не отражены в формуле (1), так как являются контрольными переменными данной модели, обобщены вектором αX и детально исследованы в традиционных моделях экономического роста.

В отличие от классических моделей экономического роста данная модель позволяет учесть не только ключевые факторы роста, но и фактор межстранового взаимодействия в связи с потоками труда,

оценивая вклад чистой миграции в прирост ВВП по выбранной совокупности государств.

Для расширения круга анализируемых фактов миграционных процессов в модель (1) была введена также переменная *net*, показывающая объем денежных средств, переводимых мигрантами на родину.

В качестве *контрольных переменных* использован стандартный набор факторов, использованных в классических работах (Barro, Sala-i-Martin, 1991; Aghion, Durlauf, 2005) и др. Как было показано ранее, они включают в себя показатели инвестиционной активности, открытости экономики, урбанизации, человеческого капитала. Единственным отличием является то, что в качестве индикатора человеческого капитала вместо числа лет обучения использован индекс человеческого развития HDI, который лучше соответствует природе миграции (Bildirici et al., 2005).

Использованная модель, являясь расширением традиционной модели экономического роста, требует исследования *проблемы эндогенности по новым, включаемым в нее* (Durlauf, Johnson, Temple, 2005, Chapter 8), *регрессорам*. Действительно, не только миграция может влиять на экономический рост, но и приток мигрантов потенциально может зависеть от экономического роста в стране–реципиенте миграции.

В ряде работ (см. например, (Lucas, 1997)) отмечается, что повышение уровня развития страны–импортера труда стимулирует рост миграции в это государство. Одновременно в стране–экспортере труда растут доходы населения вследствие получения денежных переводов трудовых мигрантов, что стимулирует экономический рост этих стран со стороны спроса.

Вышеуказанная проблема эндогенности фактора миграционных процессов в моделях экономического роста первоначально была рассмотрена в статье (Dolado, Goria, Ichino, 1993). Авторы данной работы отмечают, что решение проблемы эндогенности чистой миграции в модели экономического роста требует введения инструментальных методов оценки переменных. Подход, применяемый авторами, позволил оценить регрессию 23 ОЭСР стран в период 1970–1985 гг., где в качестве инструментов миграции были взяты лагированные (с запаздыванием в 10 лет) средние оценки миграции. В качестве дополнительных инструментов чистой миграции были использованы индикаторы индекса плотности населения (в тысячах человек на квадратный метр) и средняя площадь стран за 1960–1970 гг. В результате была подтверждена гипотеза о наличии проблемы эндогенных факторов миграции в моделях экономического роста и возможности ее решения путем использования инструментальных переменных.

Подобный подход был применен в исследованиях (Altonji, Card, 1991; Hunt, 1992; Card, 2001, 2005; Card, Lewis, 2007; Dustmann et al., 2003; Groizard, Llull, 2007; Orefice, 2010).

Статистическая проверка гипотезы об эндогенности фактора миграции в модели (1) осуществлена нами на основе базовой выборки из 104 развивающихся стран мира по их статистике за последние 20 лет отчетного периода. В качестве потенциальных инструментов, учитывая существующие в мире подходы и возможности, предоставляемые информационными ресурсами различных международных организаций, нами были использованы индикаторы дотаций, субсидий и льгот гражданам страны, уровень гарантий социального благосостояния (Berthélemy, Beuran, Maurel, 2009), доли мигрантов в населении принимающих стран (Card, 2001), географической структуры двусторонних миграционных потоков (Mayda, 2008; Berthelemy, Beuran, Maurel, 2009; Ortega, Peri, 2009).

В ряде других работ (например, (Beine et al., 2008; Aggarwal et al., 2011) в качестве инструментов миграционных процессов (включая денежные переводы) использованы показатели безработицы и ВВП на душу населения в странах, принимающих мигрантов.

Для каждого государства–экспортера труда перечисленные индикаторы рассчитывались как средние значения по пяти странам, в которые из этой страны приезжает наибольшее число мигрантов. Мы выбрали эти показатели с учетом их доли в общей численности мигрантов в стране–экспортере труда. Главные страны–импортеры были определены с помощью матрицы миграционных потоков.

Однако при проведении инструментального регрессионного анализа индикатор безработицы оказался незначимым уже на первом этапе моделирования, а для индикатора ВВП не выполнялось свойство экзогенности. Вследствие этого два эти индикатора не вошли в состав инструментальных переменных для нашей выборки.

В качестве показателя гарантий социального обеспечения мы использовали индикатор доли чистой официальной помощи на цели развития в % к ВНД (*netODAreceived% GNI*) в 5 странах, являющихся основными импортерами мигрантов для каждой из рассматриваемой развивающейся страны. Коэффициент полученного уравнения при данном индикаторе оказался *статистически значимым и экзогенным*.

Аналогичные результаты были получены для показателя доли мигрантов в населении страны, что соответствует результатам ранее проведенных в этой области исследований (Card, 2001; Cortes, 2008).

Однако при анализе ключевых переменных оценки географических факторов было установлено, что некоторые из них (наличие единого языка и взвешенное расстояние между странами–экспортерами и странами–импортерами труда) оказались тесно связаны с ошибкой регрессионного анализа. Об этом свидетельствуют результаты Wu–Hausman-теста. Нулевая гипотеза отвергается на 5%-ном уровне ($p = 0,0339$), и это означает, что инструменты по своей природе эндогенны. Другие переменные (наличие общей географической границы, существование в настоящем или прошлом колониальной связи страны–

импортера со страной–экспортером мигрантов) также не прошли все необходимые статистические тесты. Вследствие этого данные индикаторы *не могли быть использованы в качестве инструментов*.

С учетом этих результатов, аналогично (Groizard, Llull, 2007), мы включили в состав регрессии показатель площади страны–экспортера мигрантов. Эконометрический анализ показал, что данный инструмент обладает требуемыми свойствами (экзогенность или отсутствие корреляционной зависимости с ошибкой уравнения).

Чтобы проверить экзогенность оставшихся инструментов, мы провели регрессионный анализ показателей с помощью 2МНК, а затем протестировали их на сверхидентифицирующие ограничения (Sargan test) (Цыплаков, 2007). В стандартной модели значение *p-value* данного теста оказалось равным 0,3879, а в различных спецификациях оно колеблется от 0,5270 до 0,8634. Тест на эндогенность этих переменных показал, что они являются экзогенными в рамках данной регрессионной модели. Отсутствие корреляционной зависимости с ошибкой уравнения проверялось с помощью Wu–Hausman-теста, нулевая гипотеза которого определяет, что инструменты экзогенны. Так как значение Wu–Hausman-теста $p = 0,1434$, то нулевая гипотеза не отвергается, и это означает, что инструменты экзогенны.

Таким образом, социальная поддержка, доля мигрантов и площадь страны–экспортера являются полностью совместимыми экзогенными инструментами, что делает их эффективными переменными идентификации миграционных процессов.

Мы также проанализировали значимость инструментов в формировании миграционных процессов, что определило силу инструментов, устанавливаемую при рассмотрении первого этапа уравнения с инструментальными переменными. Для этого значения коэффициентов инструментальных переменных и их статистическая значимость на первом этапе регрессии представлены в виде

$$migr = -15,82 + 0,41 \underset{0,074*}{oda} + 85,06 \underset{0,000***}{mstock} + 0,30 \underset{0,016 **}{\ln(land)} + X\epsilon + \epsilon, \quad (2)$$

$R^2 = 0,402$; число наблюдений равно 156; $F\text{-test} = 10,90$; где *migr* – миграция; *oda* – чистая помощь на цели развития; *mstock* – отношение мигрантов к численности населения; ϵ – ошибка регрессии; $X\epsilon$ – переменные уравнения, указанные в основной модели (1) (исходный уровень развития, валовые инвестиции, индекс человеческого развития, приток прямых иностранных инвестиций и т.д.); *land* – площадь страны; значение в скобках указано значение *p-value*.

Вследствие того, что их коэффициенты статистически значимы на первом этапе регрессионного уравнения, можно говорить об их силе и релевантности. Необходимо также отметить, что знак перед коэффициентами переменной совпадает с ожидаемыми значениями. Таким образом, решением проблемы эндогенности факторов мигра-

ции в модели экономического роста в нашем случае является введение трех указанных выше инструментальных переменных.

На втором шаге оценка параметров регрессии в рамках теоретической модели (1) показала статистическую значимость положительного коэффициента перед фактором чистой миграции для различных комбинаций контрольных переменных, что свидетельствует об экзогенности этого фактора в модели экономического роста применительно к нашей выборке развивающихся стран мира и их статистики за 1990–2012 гг.

3. Используемая статистика

Определенные сложности возникают при формировании информационной базы исследования. Трудовая миграция, как и любые новые факторы и источники экономического роста, пока еще не нашла достаточного отражения в существующей системе статистических измерений. Статистика численности трудовых мигрантов и их денежных переводов обрывиста и фрагментарна. Основные причины связаны не только с отсутствием общепринятого определения трудовой миграции, которое может по-разному трактоваться в различных нормативных актах того или иного государства, но и сложностями в регистрации мигрантов, масштабной нелегальной миграцией, с проблемами выделения денежных переводов, источником которых являются трудовые мигранты, из общей суммы денежных потоков.

В этих условиях единственной альтернативой является индикатор чистой миграции, включенный в информационный ресурс Всемирного банка WDI, для которого имеется сопоставимая статистика, начиная с 1990 г., по достаточно широкому кругу государств. Именно такой подход был использован в большинстве указанных выше исследований.

При этом необходимо учитывать, что показатели миграции и трудовой миграции для отдельных стран на отдельных этапах их развития могут и не совпадать, хотя переезд на постоянное место жительства в другие страны в большинстве случаев мотивирован именно поиском более достойной работы, чем та, на которую мигрант мог рассчитывать у себя на родине.

Помимо базы данных Всемирного банка WDI 2014 (World Bank, 2014) были использованы данные национальных миграционных служб и информационные ресурсы других международных организаций.

Для исследования выдвинутой выше гипотезы была использована относительно однородная *страновая выборка*, которая включала развивающиеся страны³ со средним уровнем дохода. В выборку были включены 104 страны из всех регионов мира.

Наибольшей чистой миграцией в процентном соотношении от совокупного населения страны (экспортеры труда) характеризовались такие страны, как Тонго (–8,9%), Албания (–7,2%), Армения (–6,7%),

³ По классификации Всемирного банка.

Грузия (–6,7%) и Молдова (–5,4%), а наибольшим притоком трудовых ресурсов – Россия (1,3%), ЮАР (1,5%), Малайзия (1,9%), Коста-Рика (2,1%), Иордания (3,6%). При этом средний уровень развития первой группы из шести государств составил в отчетном периоде (по ВВП на душу населения по ППС) 4532,6 долл. (в 2012 г. – 6723,8 долл.), а второй группы – 12 326,3 долл. (в 2012 г. – 16349,3 долл.), т.е. почти в 3 раза выше, чем в первой.

Существенно отличались эти группы и по таким показателям, как уровень открытости экономики (сумма экспорта и импорта в процентах к ВВП). В первой группе эта сумма составила в среднем 83, а во второй – 101,3%. Различия наблюдались и в обеспеченности стран природными ресурсами. Показатель совокупных ресурсных рент для первой и второй групп составил 1,4 и 8,8% соответственно. Следовательно, источником трудовой миграции являются страны с невысоким уровнем развития и не входящие в число ресурсно-богатых стран мира, а импортерами труда – страны со среднемировым и выше уровнем развития и наделенные, как правило, значительными природно-минеральными ресурсами.

Для сформированной таким образом страновой выборки характерны следующие показатели экономического роста: среднегодовые темпы прироста ВВП за 1990–2012 гг. по всей совокупности стран – 1,8%; инвестиции (% к ВВП) – 21,7%; прямые иностранные инвестиции (% к ВВП) – 3,9%; индекс человеческого развития (от 0 до 1) – 0,6; доля городского населения страны – 43,6%; показатель внешней торговли (сумма экспорта и импорта) – 79% ВВП. Параметры трудовой миграции составили: уровень чистой миграции равен –1,17%; сумма вывезенных мигрантами средств – 4,92% ВВП.

Кроме основной выборки, для анализа устойчивости коэффициентов регрессии была использована и более широкая выборка из 158 стран, включающая в себя страны из основной выборки и более развитые страны, для которых есть статистика параметра трудовой миграции.

4. Результаты моделирования

Результаты эконометрического анализа (см. таблицу) показали, что большинство основных факторов экономического роста, включенных в модель (уровень исходного развития, качество человеческого капитала, валовые инвестиции), являются статистически значимыми как для выборки из развивающихся стран (104 страны, модель 2), так и для полной выборки (158 стран, модель 1), а их знаки соответствуют положениям современной экономической теории. Незначимыми оказались лишь два фактора – доля городского населения и объем внешней торговли.

Еще один фактор – прямые иностранные инвестиции – меняет свою статистическую значимость при переходе от одной выборки

к другой. Он значим (на 5%-ном уровне) для модели по широкой выборке (модель 1), но незначим – для развивающихся стран мира (модель 2). Этот результат может отражать смену приоритетов в потоках иностранных инвестиций между развитыми и развивающимися странами, имевшую место в последние полтора–два десятилетия.

О важности фактора миграционных процессов для развивающихся стран мира свидетельствует тот факт, что при переходе от широкой страновой выборки к узкой, включающей только развивающиеся страны, статистически незначимый фактор «чистая миграция» становится значимым. При этом положительное значение коэффициента перед фактором для всех моделей, начиная со второй, позволяет сделать вывод в пользу сформированной выше гипотезы о том, что в долгосрочном периоде *в странах, где приток мигрантов превышает отток (Россия, ЕС), данный фактор обеспечивает ускорение темпов экономического роста, а в странах, где превалирует отток мигрантов (Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан), замедляет экономический рост.*

Значение коэффициента, равное 0,2, позволяет оценить величину ускорения (замедления) роста для совокупности развивающихся стран, равное двум процентным пунктам при изменении чистой трудовой миграции на 10 процентных пункта. Обращает на себя внимание и повышение процента объясненной дисперсии при переходе от модели 1 к модели 2 с 43 до 48%, что отражает рост однородности выборочной совокупности при переходе к развивающимся странам мира.

Включение в модель фактора «сумма международных переводов трудовых мигрантов» (модель 3) еще более повышает процент объясненной дисперсии (до 52%). Фактор статистически значим, но его знак (минус) выглядит не совсем нелогичным. Для стран–импортеров труда (например, России) отток финансовых активов действительно может в какой-то степени замедлить их экономический рост. Однако для стран–экспортеров труда (в том числе государств Центральной Азии) приток валютных ресурсов в домохозяйства должен увеличивать их располагаемые доходы, потребительский спрос и стимулировать рост.

Одно из возможных объяснений отсутствия такого эффекта – неэффективное использование этих финансовых ресурсов в странах–экспортерах труда, о чем говорилось выше. Значение же самого коэффициента (0,064) близко к нулю, что свидетельствует о слабом негативном влиянии этого фактора на экономический рост⁴.

Такой результат можно также объяснить тем, что не только количественная оценка, но и направленность влияния фактора денежных переводов на экономический рост может зависеть от его величины. Иными словами, имеет смысл проверить гипотезу о том, что существует *пороговое значение размера денежных переводов*, при превышении которого переводы и миграция будут положительно влиять на

⁴ Увеличение переводов на 10 п.п. (например, с 30% в Кыргызстане до 40% замедлит экономический рост только на 0,6 п.п.)

рост конкретной страны–экспортера труда, а низкий уровень притока валютных средств, не достигающий порогового значения, отрицательно воздействовать на рост ее экономики.

Подробнее гипотеза рассмотрена в работе (Giuliano, Ruiz-Arganz, 2009). В этом исследовании изучалось влияние финансового

Таблица

Результаты межстранового эконометрического анализа влияния трудовой миграции на экономический рост страны

Описание переменной	Переменная	Модель (зависимая переменная – <i>growth</i>)				
		1	2	3	4	5
Исходный уровень развития (ВВП в 1990 г.)	<i>IGDPpc1990</i>	-1,244*** (0,216)	-1,356*** (0,300)	-1,493*** (0,280)	-1,555*** (0,284)	-1,661*** (0,291)
Валовые инвестиции, %	<i>invest</i>	0,0793** (0,0346)	0,0874** (0,0405)	0,0955** (0,0399)	0,0955** (0,0395)	0,0761* (0,0398)
Индекс человеческого развития	<i>hdi</i>	9,602*** (1,931)	10,09*** (2,231)	10,32*** (2,129)	10,38*** (2,129)	9,774*** (2,044)
Приток прямых иностранных инвестиций, %	<i>fdi</i>	0,0711** (0,0284)	0,0495 (0,0341)	0,0485 (0,0317)	0,0535 (0,0333)	0,0588* (0,0308)
Сумма экспорта и импорта, %	<i>trade</i>	-0,00399 (0,00308)	-0,00612 (0,00492)	-0,00285 (0,00421)	-0,00247 (0,00415)	-0,00256 (0,00414)
Доля городского населения, %	<i>urpop</i>	0,00655 (0,00679)	0,00265 (0,00839)	0,00391 (0,00820)	0,00634 (0,00854)	0,00937 (0,00795)
Индекс качества государственных институтов (Ruleoflaw)	<i>RoL</i>					0,638*** (0,229)
Доля показателя чистой миграции ⁵ в населении, %	<i>migr</i>	0,0372 (0,0604)	0,206*** (0,0749)	0,118* (0,0719)	0,173** (0,0795)	0,156** (0,0770)
Международные трансферты, % ВВП	<i>rem</i>			-0,0635*** (0,0237)	-0,0859*** (0,0264)	-0,0866*** (0,0266)
Фактор взаимодействия (центрированный)	<i>mp2</i>				-0,0110* (0,00651)	-0,0109* (0,00650)
Константа	<i>_cons</i>	3,307*** (1,035)	4,213*** (1,435)	4,765*** (1,379)	5,106*** (1,406)	6,801*** (1,595)
Объясненная дисперсия, %	<i>R</i>	0,43	0,48	0,52	0,53	0,55
Число наблюдений	<i>N</i>	158	104	104	104	104

Источник: результаты эконометрического анализа статистики соответствующих показателей по отобранной группе стран (World bank, 2014; UNDP, 2014; World Justice Project, 2014) за 1990–2012 гг.

Примечание. В таблице символами «***», «**» и «*» обозначены оценки значимости на 1%-, 5%- и 10%-ном уровнях соответственно. Стандартная ошибка указана в скобках.

⁵ В Таджикистане, например, средний показатель чистой миграции составляет -175 тыс. человек (значение отрицательное, так как отток человеческого капитала из страны значительно превышает приток), а средний показатель населения - 6451 тыс. человек за период 1992–2012 гг. Соответственно, показатель доли чистой миграции в населении составляет -2,7%. Вклад отрицательного показателя доли чистой миграции приводит к замедлению темпов экономического роста. В примере для Таджикистана – это $growth = 0,173(-2,7) = -0,468\%$.

развития на экономический рост. На основе анализа страновой статистики за период 1975–2002 гг. были выявлены противоположные воздействия денежных переводов на экономический рост в зависимости от уровня развития финансовой системы применительно к развивающимся странам мира. Полученная оценка порогового значения для денежных переводов позволила распределить все страны используемой выборки на две категории: страны, уровень развития финансовой системы которых превышал определенное пороговое значение, и, следовательно, переводы денежных средств стимулировали рост, и страны со слабой финансовой системой, где переводы ограничивали темпы экономического роста.

Для проверки гипотезы применительно к денежным переводам мигрантов в модель (1) был включен центрированный фактор взаимодействия трансфертных поступлений $mp2$ с показателем миграционного процесса (Крамер, Blasey, 2004), который имеет вид

$$mp2 = (migr - migr_{\text{сред}})(rem - rem_{\text{сред}}), \quad (3)$$

где $migr_{\text{сред}}$ – средняя невзвешенная оценка чистой миграции (% к населению страны) по анализируемой выборке из 104 стран (-1,17%); $rem_{\text{сред}}$ – средняя невзвешенная оценка совокупных текущих трансфертов по анализируемой выборке из 104 стран (4,9 % ВВП).

Такой подход позволяет в значительной степени преодолеть проблему мультиколлинеарности в регрессионной модели, тем самым повышая точность оценки параметров и улучшая качество их статистического тестирования.

В результате применения данного подхода исходное уравнение (1) будет иметь вид

$$growth = a_1 + a_2 \ln(GDPpc1990) + a_3 invest + a_4 hdi + a_5 fdi + a_6 trade + a_7 urpop + a_8 rem + a_9 migr + a_{10} mp2 + \varepsilon. \quad (4)$$

Исходя из этой регрессионной модели пороговое значение размера переводов трудовых мигрантов может быть определено исходя из условия:

$$threshold_value = d(growth) / d(migr) = 0. \quad (5)$$

Величина производной с учетом (3) и (4) определяется из выражения

$$d(growth) / d(migr) = a_9 + a_{10} rem - a_{10} rem_{\text{сред}} = 0. \quad (6)$$

Отсюда находим пороговое значение для переводов

$$rem = (a_{10} rem_{\text{сред}} - a_9) / a_{10}. \quad (7)$$

В такой форме знак и величина эластичности экономического роста по миграции будут зависеть уже от конкретных значений объема вывоза денежных средств из конкретной страны. Если величина переводов меньше порогового значения, то эластичность будет отрицательной, а величина эластичности будет определяться разрывом между конкретным и пороговым значениями размеров переводов. Чем этот раз-

рыв больше, тем сильнее миграция сдерживает экономический рост стран–экспортеров трудовых ресурсов.

Подставляя параметры модели 4 (см. таблицу) $(-0,011; 4,918; 0,173)$ в соотношение (7), получим $rem = 20,6\%$.

Например, для Таджикистана, где размер переводов более 52% ВВП и существенно превосходит пороговое значение, рост миграции на 1 п.п. (например, с -13 до -14% численности населения, или на -1 п.п.) приведет к приросту ВВП на величину

$$\Delta growth = -0,011(52,0 - 20,65)(-1) = 0,345 \text{ п.п.}$$

При этом полученная оценка эластичности роста по миграции будет тем выше, чем больше разрыв между сложившимся и пороговым уровнем переводов денежных средств.

Для Узбекистана, где размер переводов меньше порогового значения, рост миграции будет сокращать темпы прироста ВВП, т.е. соответствующая оценка эластичности будет отрицательна. На рис. 2 представлены оценки эластичности для отдельных стран Центрально-Азиатского региона.

Для проверки устойчивости полученных оценок в состав контрольных переменных был включен еще один фактор – качество государственных институтов (по индексу уровня правопорядка *RoL*). Как следует из результатов (модель 5 в таблице) значения коэффициентов перед факторами миграции либо не изменились (для фактора взаимодействия), либо изменились незначительно (с $0,173$ до $0,156$ – для фактора чистой миграции и с $-0,86$ до $-0,87$ – для фактора переводов), а объясняющая способность уравнения выросла с $0,53$ до $0,55$. Почти не изменилось и пороговое значение размера денежных переводов ($19,2\%$ ВВП), определяющее направленность влияния трудовой миграции на экономический рост. Это позволяет использовать полученные оценки для формирования практических выводов и рекомендаций.

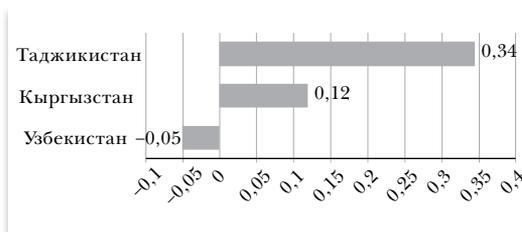

Рис. 2

Изменение ВВП на душу населения (в п.п.) вследствие изменения показателя чистой миграции на 1 п.п.

Источник: рассчитано авторами на основе результатов эконометрического анализа.

Примечание. Так как при оценке эластичностей использовались соответствующие коэффициенты при переменных «миграция» и «фактор взаимодействия» (см. таблицу), то надежность оценок эластичностей определяется величиной стандартных ошибок, составивших $0,08$ для миграции (коэффициент равен $-0,17$), и $0,007$ для фактора взаимодействия (коэффициент равен $-0,011$).

5. Основные выводы

Главное, о чем свидетельствуют полученные результаты, экспорт труда в отличие от экспорта товаров и услуг *не может быть источ-*

ником долгосрочного роста развивающихся стран мира⁶. На отдельных этапах развития небольших по размеру экономики стран переводы могут стимулировать внутренний спрос и по цепочке – рост производства. Однако это происходит только в тех случаях, когда доля импортной продукции на потребительском рынке страны невелика, что нетипично для большинства развивающихся стран мира, а также, когда величина переводов превышает некоторое пороговое значение.

Следовательно, перед странами–экспортерами труда, включая страны Центральной Азии, стоит задача *разработки и осуществления программы создания новых устойчивых и достойных по условиям оплаты рабочих мест*, которая была бы способна поглотить большую часть свободных трудовых ресурсов. Ясно, что без масштабных инвестиций, импортных технологий и перехода к новой промышленной политике сложно рассчитывать на успешное решение этой задачи⁷.

Вместе с тем значительный эффект можно получить и в рамках реализуемых в странах Центральной Азии инвестиционных программ, если скорректировать критерии отбора поддерживаемых государством инвестиционных проектов, которые в настоящее время направлены в основном на развитие имеющейся минерально-сырьевой базы. В качестве приоритетного критерия необходимо использовать показатель числа новых продуктивных (устойчивых и высокодоходных) рабочих мест, создаваемых в рамках предлагаемых инвестиционных проектов в пересчете, например, на 1 млн долл. инвестиций. В результате реализации данной меры можно ожидать повышения количества новых рабочих мест в перспективных секторах экономики, требующих более высокого уровня образования, квалификации, и с более высокой оплатой труда.

В странах Центральной Азии значительная часть трудовых ресурсов (от половины и более) сосредоточена в секторе малого и частного предпринимательства. Однако его структура далека от современной, так как это в основном торговля, производство сельскохозяйственной продукции, общественное питание, бытовые, ремонтные и транспортные услуги. Создаваемые здесь новые рабочие места неустойчивые и не генерируют доходов, необходимых для поддержания уровня жизни многодетных семей.

Ситуацию можно изменить к лучшему, если *обеспечить ускоренный переход к индустриальному, экспортно-ориентированному малому бизнесу*. Процесс индустриализации и технологического перевооружения малого и создания современного среднего бизнеса требует и соответствующих институтов развития. Учитывая структуру экономик большинства развивающихся стран мира, где преобладает сельскохозяй-

⁶ Как было показано выше, об этом свидетельствуют результаты эконометрического анализа (статистическая значимость и знак «+» перед фактором «чистая миграция» во всех моделях, показанных в таблице, начиная со второй: +0,206; +0,118 и т.д.). Так как в странах–экспортерах труда чистая миграция отрицательная (приток мигрантом меньше, чем отток), положительное значение коэффициента перед этим фактором свидетельствует о его отрицательном вкладе в экономический рост страны–экспортера труда, имевшем место в последние, примерно, 20 лет отчетного периода.

⁷ Наиболее ярким примером здесь может служить опыт Китая и других стран Восточной Азии (Lin, 2012), а также дискуссия по промышленной политике в (ЖНЭА, 2014).

ственный сектор, такими институтами могут быть *специализированные банки для кредитования перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию предприятий, сети сертификационных центров для оценки качества сельхозпродукции и товаров ее переработки, инженерно-технологических компаний, производства для выпуска современного оборудования для ирригационных систем, логистические и маркетинговые компании.*

Не менее важным условием ограничения трудовой миграции является развитие потенциала государственных институтов. Как показал ряд исследований (Bertocchi, Strozzi, 2008; Newland, 2010; Betts, 2011), с ростом качества государственных институтов страны приток мигрантов в нее возрастает. Следовательно, чем ниже развитие государственных институтов в странах–экспортерах труда по сравнению со странами–импортерами, тем интенсивнее поток миграции. По индексу соблюдения действующего законодательства *RoL* страны Центрально-Азиатского региона (от –1,4 до –0,6 в 2011–2012 гг.) заметно отставали не только от среднемирового уровня, но и от средних оценок по совокупности развивающихся стран (–0,25)⁸. Следовательно, меры по повышению эффективности проводимой экономической политики, обеспечению гарантий прав частной собственности, соблюдению контрактной дисциплины, социальных обязательств государства, улучшению инвестиционного климата будут иметь позитивный эффект не только для всей экономики, но и для более полного использования имеющегося трудового потенциала, расширяя возможности трудоустройства потенциальных мигрантов непосредственно у себя на родине.

Важно провести административную реформу, повысить компетентность и профессионализм специалистов органов государственного управления, а также их ответственность за достижение конечных результатов и обеспечить действенный общественный контроль над работой центрального правительства и местных органов власти.

Хотя для стран–импортеров труда (включая Россию) фактор притока мигрантов положительно связан с экономическим ростом (коэффициенты 0,206; 0,118 в моделях 2–3 в таблице), существуют и другие побочные эффекты, свойственные современным миграционным процессам на постсоветском пространстве, которые могут существенно обесценить этот позитивный вклад. Среди них – ухудшение текущего счета платежного баланса при росте объемов вывоза денежных переводов за пределы страны (отток капитала), обострение отдельных социальных проблем и формирования криминогенной ситуации, вызванной избыточной трудовой миграцией, рост конкуренции на рынке труда и негативный эффект, оказываемый этими процессами на доходы граждан.

В определенной степени упорядочить потоки трудовой миграции в странах–импортерах могут специальные агентства для набора трудовых мигрантов в странах–экспортерах труда. Однако, как показывает опыт, этого явно недостаточно. Более перспективными представ-

⁸ При шкале этого индикатора от –2,5 до 2,5.

ляются совместные действия государств–экспортеров и импортеров труда, направленные на создание в менее развитой стране–поставщике мигрантов современных промышленных производств и секторов трудоемких видов услуг, позволяющих поглощать заметную часть избыточных трудовых ресурсов. При этом основной вклад в создание таких производств в виде кредитов, технологий, знаний, рынков может взять на себя более развитое государство, использующее труд мигрантов из конкретной страны.

Хорошим примером здесь может служить развитие взаимовыгодных взаимосвязей между Узбекистаном и Россией. По материалам республиканских изданий (Газета.uz, 2014; Uzdaily.uz, 2014; Министерство экономического развития Российской Федерации, 2014; Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан, 2014; Посольство Республики Узбекистан в Российской Федерации, 2014), оно выражается в том, что Россия в последние годы стала крупнейшим иностранным инвестором Узбекистана. За последние 5 лет российские компании инвестировали в узбекскую экономику порядка 6 млрд долл. В 2013 г. в Узбекистане работали 846 российско-узбекских компаний и были аккредитованы представительства 127 российских предприятий.

Это – не только крупнейшие российские нефтегазовые компании ОАО «Газпром» и ОАО «Лукойл», но и предприятия по производству продовольственной и текстильной продукции; действует ряд крупных совместных проектов в области производства строительных материалов, металло- и деревообработки, выпуска калийных удобрений, производства кабельной продукции, транспортных и телекоммуникационных услуг и др. Все они позволили создать значительное число новых современных рабочих мест внутри республики⁹.

Важно также, что наряду с расширением возможностей трудоустроиться внутри республики, такое сотрудничество направлено и на повышение качества трудовых ресурсов на базе созданных в Узбекистане филиалов ряда ведущих российских университетов¹⁰. Все это создает более благоприятные условия для упорядочения трудовой миграции, объединения потенциала двух стран в условиях роста нестабильности мировой экономики.

В заключение необходимо указать на важность полученных результатов для обоснования перспектив и стратегий долгосрочного социально-экономического развития стран, расположенных на постсоветском пространстве, в свете развития миграционных процессов.

⁹ Несмотря на то что значительную часть российских инвестиций поглощает капиталоемкий нефтегазовый сектор республики, сложившаяся в последние годы структура экономики Узбекистана такова, что развитие этого сектора оказывает существенное влияние и на большинство остальных секторов экономики (через цепочки технологических взаимосвязей – инвестиции, строительство, стройматериалы, транспорт, электроэнергия, металлургия, банковское обслуживание и т.д.). Об этом свидетельствуют значения отраслевых мультипликаторов численности занятых, полученные с использованием модели «затраты–выпуск», значения которых в нефтегазовом секторе (15,0 – нефтедобыча, 13,5 – нефтепереработка, 9,3 – газовая промышленность) заметно выше мультипликаторов обрабатывающей промышленности (7,0 – легкая промышленность, 4,8 – машиностроение, 3,1 – пищевая промышленность (Чепель, 2014, с. 220).

¹⁰ В республике созданы и успешно функционируют филиал Российской экономической академии им. Г. Плеханова, филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, филиала Российского государственного университета нефти и газа им. И. Губкина.

Оставшиеся вопросы, не охваченные этим исследованием, – механизмы влияния факторов квалификации трудовых ресурсов и других качественных характеристик миграционных процессов на экономический рост развивающихся государств мира. Однако их решение во многом будет определяться прогрессом в расширении существующих информационных ресурсов, отражающих динамику миграционных потоков из развивающихся стран мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Газета.uz (2014). [Электронный ресурс] // Газета.uz. Режим доступа: <http://www.gazeta.uz/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- Гонтмахер Е.** (2013). Мировые миграционные процессы: необходимость глобального регулирования // *Вопросы экономики*. № 10. С. 136–146.
- ЖНЭА (2014). Горячая тема. Реформы в России: успехи и неудачи // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2. С. 153–173.
- Министерство экономического развития Российской Федерации (2014). [Электронный ресурс]. Портал внешнеэкономической информации. Режим доступа: <http://www.ved.gov.ru/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- Полтерович В., Попов В.** (2007). Демократизация и экономический рост // *Общественные науки и современность*. № 2. С.13–27.
- Посольство Республики Узбекистан в Российской Федерации (2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uzembassy.ru/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан (2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russia.uz/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- Цыплаков А.** (2007). Экскурсы в мир инструментальных переменных // *Квантиль*. № 2. С. 21–47.
- Чепель С.** (2014). Системный анализ и моделирование перспектив устойчивого развития национальной экономики Узбекистана. Ташкент: IFMR.
- Aghion P., Durlauf S.** (2005). Handbook of Economic Growth // *Elsevier*. Vol. 1. Part B. P. 1061–1822, 11–146.
- Aggarwal R., Demirgüç-Kunt A., Peria M.S.M.** (2011). Do Remittances Promote Financial Development? // *Journal of Development Economics*. Vol. 96(2). P. 255–264.
- Altonji J.G., Card D.** (1991). The Effects of Immigration on the Labor Market Outcomes of Less-Skilled Natives. In: “*Immigration, Trade and the Labor Market*”. Chicago: University of Chicago Press. P. 201–234.
- Barguelli A., Zaiem M.H., Zmami M.** (2013). Remittances, Education and Economic Growth: A Panel Data Analysis // *Journal of Business Studies Quarterly*. Vol. 4(3).P. 129–139.
- Barro R.J.** (1991). Economic Growth in a Cross Section of Countries // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 106(2). P. 407–443.

- Barro R.J., Sala-i-Martin X.** (1991). *Convergence Across States and Regions*. Economic Growth Center, Yale University.
- Beine M., Docquier F., Rapoport H.** (2001). Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence // *Journal of Development Economics*. Vol. 64(1). P. 275–289.
- Berthélemy J.C., Beuran M., Maurel M.** (2009). Aid and Migration: Substitutes or Complements? // *World Development*. Vol. 37(10). P. 1589–1599.
- Bertocchi G., Strozzi C.** (2008). International Migration and the Role of Institutions // *Public Choice*. Vol. 137(1–2). P. 81–102.
- Betts A.** (ed.). (2011). *Global Migration Governance*. Oxford: Oxford University Press. P. 1–33.
- Bildirici M., Sunal S., Aykac Alp E., Orcan M.** (2005). Determinants of Human Capital Theory, Growth and Brain Drain: an Econometric Analysis for 77 Countries // *Applied Econometrics and International Development*. Vol. 5(2). P. 109–140.
- Card D.** (2001). Immigrants Inflows, Native Outflows, and the Local Labor Market Impacts of Higher Immigration // *Journal of Labor Economics*. Vol. 19(1). P. 22–64.
- Card D.** (2005). Is the New Immigration Really So Bad? // *The Economic Journal*. Vol. 115(507). P. 300–323.
- Card D., Lewis E.G.** (2007). The Diffusion of Mexican Immigrants During the 1990s: Explanations and Impacts. In: “*Mexican Immigration to the United States*”. Chicago: University of Chicago Press. P. 193–228.
- Catrinescu N., Leon-Ledesma M., Piracha M., Quillin B.** (2009). Remittances, Institutions, and Economic Growth // *World Development*. Vol. 37(1). P. 81–92.
- Chen H.J., Fang I.H.** (2013). Migration, Social Security, and Economic Growth // *Economic Modeling*. Vol. 32. P. 386–399.
- Cortes P.** (2008). The Effect of Low-Skilled Immigration on US Prices: Evidence from CPI Data // *Journal of Political Economy*. Vol. 116(3). P. 381–422.
- Di Maria C., Lazarova E.** (2012). Migration, Human Capital Formation, and Growth: An Empirical Investigation // *World Development*. Vol. 40(5). P. 938–955.
- Di Maria C., Stryszowski P.** (2009). Migration, Human Capital Accumulation and Economic Development // *Journal of Development Economics*. Vol. 90(2). P. 306–313.
- Díaz-Briquets S., Pérez-López J.** (1997). Refugee Remittances: Conceptual Issues and the Cuban and Nicaraguan Experiences // *International Migration Review*. Vol. 31(2). P. 411–437.
- Dolado J., Goría A., Ichino A.** (1993). Immigration, Human Capital and Growth in the Host Country: Evidence from Pooled Country Data // *Journal of Population Economics*. Vol. 7(2). P. 193–215.
- Durlauf S., Johnson A., Temple J.** (2005). Growth Econometrics // *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1. P. 555–677.
- Dustmann C.** (2003). Return Migration, Wage Differentials, and the Optimal Migration Duration // *European Economic Review*. Vol. 47(2). P. 353–369.

- Giuliano P., Ruiz-Arranz M.** (2009). Remittances, Financial Development, and Growth // *Journal of Development Economics*. Vol. 90(1). P. 144–152.
- Goschin Z.** (2014). Remittances as an Economic Development Factor: Empirical Evidence from the CEE Countries // *Procedia Economics and Finance*. Vol. 10. P. 54–60.
- Groizard J.L., Llull J.** (2007). Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries. Are There Really Winners? Universitat de les Illes Balears, Departament d'Economia Aplicada. P. 28.
- Guha P.** (2013). Macroeconomic Effects of International Remittances: The Case of Developing Economies // *Economic Modelling*. Vol. 33. P. 292–305.
- Haberfeld Y., Menaria R., Sahoo B., Vyas R.** (1999). Seasonal Migration of Rural Labour in India // *Population Research and Policy Review*. Vol. 18. P. 473–489.
- Hoddinott J.** (1994). A Model of Migration and Remittances Applied to Western Kenya // *Oxford Economic Papers*. P. 459–476.
- Hunt J.** (1992). The Impact of the 1962 Repatriates from Algeria on the French Labor Market // *Industrial and Labor Relations Review*. Vol. 45(3). P. 556–572.
- Imai K.S., Gaiha R., Ali A., Kaicker N.** (2014). Remittances, Growth and Poverty: New Evidence from Asian Countries // *Journal of Policy Modeling*. Vol. 36(3). P. 524–538.
- Kraemer H., Blasey C.** (2004). Centring in Regression Analyses: a Strategy to Prevent Errors in Statistical Inference // *International Journal of Methods in Psychiatric Research*. Vol. 13(3). P. 141–151.
- Krishnaiah M.** (1997). Rural Migrant Labour Systems in Semi-Arid Areas: a Study of Two Villages in Andhra Pradesh // *The Indian Journal of Labour Economics*. Vol. 40. No. 1. P. 123–143.
- Lin J.** (2012). *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. World Bank Publications.
- Lucas R.** (1997). Internal Migration in Developing Countries // *Handbook of Population and Family Economics*. Vol. 1. P. 21–798.
- Mayda A.M.** (2008). Why Are People More Pro-Trade Than Pro-Migration? // *Economics Letters*. Vol. 101(3). P. 160–163.
- Mosse D., Gupta S., Mehta M., Shah V., Rees J.F., Team K.P.** (2002). Brokered Livelihoods: Debt, Labour Migration and Development in Western India // *Journal of Development Studies*. Vol. 38(5). P. 59–88.
- Newland K.** (2010). The Governance of International Migration: Mechanisms, Processes, and Institutions // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. Vol. 16(3). P. 331–343.
- Nyamongo E., Misati R.N., Kipyegon L., Ndirangu L.** (2012). Remittances, Financial Development and Economic Growth in Africa // *Journal of Economics and Business*. Vol. 64(3). P. 240–260.
- Orefice G.** (2010). Skilled Migration and Economic Performances: Evidence from OECD Countries // *Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik*. Vol. 146(4). P. 781.
- Ortega E., Peri G.** (2009). The Causes and Effects of International Migrations: Evidence from OECD Countries 1980–2005 // *National Bureau of Economic Research*. No. w14833.

- Rogaly B., Biswas J., Coppard D., Rafique A., Rana K., Sengupta A.** (2001). Seasonal Migration, Social Change and Migrants' Rights: Lessons from West Bengal // *Economic and Political Weekly*. Vol. 36. No. 49. P. 4547–4559.
- Samal C.** (2006). Remittances and Sustainable Livelihoods in Semi-Arid Areas // *Asia Pacific Development Journal*. Vol. 13(2). P. 73–92.
- Sana M., Massey D.** (2005). Household Composition, Family Migration, and Community Context: Migrant Remittances in Four Countries // *Social Science Quarterly*. Vol. 86(2). P. 509–528.
- UNDP (2014). [Электронный ресурс] Economic Data. Human Development Index Trends Database. Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/table-2-human-development-index-trends-1980-2013/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- Uzdaily.uz (2014). [Электронный ресурс] // *Uzdaily.uz*. Режим доступа: <http://www.uzdaily.uz/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- Woodruff C., Zenteno R.** (2001). Remittances and Microenterprises in Mexico. UCSD, Graduate School of International Relations and Pacific Studies Working Paper.
- World Bank (2014). Economic data. [Электронный ресурс]. WDI Statistical Database. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/all/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- World Justice Project (2014). Economic Data [Электронный ресурс]. Statistical Database. Режим доступа: <http://worldjusticeproject.org/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: декабрь 2014 г.).
- Ziesemer T.** (2012). Worker Remittances, Migration, Accumulation and Growth in Poor Developing Countries: Survey and Analysis of Direct and Indirect Effects // *Economic Modeling*. Vol. 29(2). P. 103–118.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Aggarwal R., Demirgüç-Kunt A., Peria M.S.M.** (2011). Do Remittances Promote Financial Development? *Journal of Development Economics* 96(2), 255–264.
- Aghion P., Durlauf S.** (2005). Handbook of Economic Growth. *Elsevier* 1, Part B, 1061–1822, 11–146.
- Altonji J.G., Card D.** (1991). The Effects of Immigration on the Labor Market Outcomes of Less-Skilled Natives. In: *“Immigration, Trade and the Labor Market”*. Chicago: University of Chicago Press, 201–234.
- Barguelli A., Zaiem M.H., Zmami M.** (2013). Remittances, Education and Economic Growth: A Panel Data Analysis. *Journal of Business Studies Quarterly* 4(3), 129–139.
- Barro R.J.** (1991). Economic Growth in a Cross Section of Countries. *The Quarterly Journal of Economics* 106(2), 407–443.
- Barro R.J., Sala-i-Martin X.** (1991). Convergence Across states and Regions. Economic Growth Center, Yale University.

- Beine M., Docquier F., Rapoport H.** (2001). Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence. *Journal of Development Economics* 64(1), 275–289.
- Berthélemy J.C., Beuran M., Maurel M.** (2009). Aid and Migration: Substitutes or Complements? *World Development* 37(10), 1589–1599.
- Bertocchi G., Strozzi C.** (2008). International Migration and the Role of Institutions. *Public Choice* 137(1–2), 81–102.
- Betts A.** (ed.). (2011). *Global Migration Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1–33.
- Bildirici M., Sunal S., Aykac Alp E., Orcan M.** (2005). Determinants of Human Capital Theory, Growth and Brain Drain: an Econometric Analysis for 77 Countries. *Applied Econometrics and International Development* 5(2), 109–140.
- Card D.** (2001). Immigrants Inflows, Native Outflows, and the Local Labor Market Impacts of Higher Immigration. *Journal of Labor Economics* 19(1), 22–64.
- Card D.** (2005). Is the New Immigration Really So Bad? *The Economic Journal* 115(507), 300–323.
- Card D., Lewis E.G.** (2007). The Diffusion of Mexican Immigrants During the 1990s: Explanations and Impacts. In: “*Mexican Immigration to the United States*”. Chicago: University of Chicago Press, 193–228.
- Catrinescu N., Leon-Ledesma M., Piracha M., Quillin B.** (2009). Remittances, Institutions, and Economic Growth. *World Development* 37(1), 81–92.
- Chen H.J., Fang I.H.** (2013). Migration, Social Security, and Economic Growth. *Economic Modeling* 32, 386–399.
- Chepel S.** (2014). System Analysis and Modeling of the Prospects for Sustainable Development of the National Economy of Uzbekistan. Tashkent: IFMR (in Russian).
- Cortes P.** (2008). The Effect of Low-Skilled Immigration on US Prices: Evidence from CPI Data. *Journal of Political Economy* 116(3), 381–422.
- Di Maria C., Lazarova E.** (2012). Migration, Human Capital Formation, and Growth: An Empirical Investigation. *World Development* 40(5), 938–955.
- Di Maria C., Strykowski P.** (2009). Migration, Human Capital Accumulation and Economic Development. *Journal of Development Economics* 90(2), 306–313.
- Díaz-Briquets S. & Pérez-López, J.** (1997). Refugee Remittances: Conceptual Issues and the Cuban and Nicaraguan Experiences. *International Migration Review* 31(2), 411–437.
- Dolado J., Goría A., Ichino A.** (1993). Immigration, Human Capital and Growth in the Host Country: Evidence from Pooled Country Data. *Journal of Population Economics* 7(2), 193–215.
- Durlauf S., Johnson A., Temple J.** (2005). Growth Econometrics. *Handbook of Economic Growth* 1, 555–677.
- Dustmann C.** (2003). Return Migration, Wage Differentials, and the Optimal Migration Duration. *European Economic Review* 47(2), 353–369.
- Embassy of the Republic of Uzbekistan in the Russian Federation (2014). Available at: <http://www.uzembassy.ru/> (accessed: December 2014, in Russian).
- Embassy of the Russian Federation in the Republic of Uzbekistan (2014). Available at: <http://www.russia.uz/> (accessed: December 2014, in Russian).

- Gazeta.uz (2014). *Gazeta.uz*. Available at: <http://www.gazeta.uz/> (accessed: December 2014, in Russian).
- Giuliano P., Ruiz-Arranz M.** (2009). Remittances, Financial Development, and Growth. *Journal of Development Economics* 90(1), 144–152.
- Gontmakher E.** (2013). World Migration Processes: the Need of Global Regulation. *Voprosy Ekonomiki* 10, 136–146 (in Russian).
- Goschin Z.** (2014). Remittances as an Economic Development Factor: Empirical Evidence from the CEE Countries. *Procedia Economics and Finance* 10, 54–60.
- Groizard J.L., Llull J.** (2007). Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries. Are There Really Winners? Universitat de les Illes Balears, Departament d'Economia Aplicada, 28.
- Guha P.** (2013). Macroeconomic Effects of International Remittances: The Case of Developing Economies. *Economic Modelling* 33, 292–305.
- Haberfeld Y., Menaria R., Sahoo B., Vyas R.** (1999). Seasonal Migration of Rural Labour in India. *Population Research and Policy Review* 18, 473–489.
- Hoddinott J.** (1994). A Model of Migration and Remittances Applied to Western Kenya. *Oxford Economic Papers*, 459–476.
- Hunt J.** (1992). The Impact of the 1962 Repatriates from Algeria on the French Labor Market. *Industrial and Labor Relations Review* 45(3), 556–572.
- Imai K.S., Gaiha R., Ali A., Kaicker N.** (2014). Remittances, Growth and Poverty: New Evidence from Asian Countries. *Journal of Policy Modeling* 36(3), 524–538.
- Journal of the New Economic Association (2014). Hot Topic Reforms in Russia: Successes and Failures. *Journal of the New Economic Association* 2, 153–173.
- Kraemer H., Blasey C.** (2004). Centring in Regression Analyses: a Strategy to Prevent Errors in Statistical Inference. *International Journal of Methods in Psychiatric Research* 13(3), 141–151.
- Krishnaiah M.** (1997). Rural Migrant Labour Systems in Semi-Arid Areas: a Study of Two Villages in Andhra Pradesh. *The Indian Journal of Labour Economics* 40, 1, 123–143.
- Lin J.** (2012). *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. World Bank Publications.
- Lucas R.** (1997). Internal Migration in Developing Countries. *Handbook of Population and Family Economics* 1, 21–798.
- Mayda A.M.** (2008). Why are People More Pro-Trade Than Pro-Migration? *Economics Letters* 101(3), 160–163.
- Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2014). Integrated Foreign Economic Information Portal. Available at: <http://www.ved.gov.ru/> (accessed: December 2014, in Russian).
- Mosse D., Gupta S., Mehta M., Shah V., Rees J.F., Team K.P.** (2002). Brokered Livelihoods: Debt, Labour Migration and Development in Western India. *Journal of Development Studies* 38(5), 59–88.
- Newland K.** (2010). The Governance of International Migration: Mechanisms, Processes, and Institutions. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations* 16(3), 331–343.

- Nyamongo E., Misati R.N., Kipyegon L., Ndirangu L.** (2012). Remittances, Financial Development and Economic Growth in Africa. *Journal of Economics and Business* 64(3), 240–260.
- Orefice G.** (2010). Skilled Migration and Economic Performances: Evidence from OECD Countries. *Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik* 146(4), 781.
- Ortega F., Peri G.** (2009). The Causes and Effects of International Migrations: Evidence from OECD Countries 1980–2005. *National Bureau of Economic Research* w14833.
- Polterovich V., Popov V.** (2007). Democratization and Economic Growth. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'* 2, 13–27 (in Russian).
- Rogaly B., Biswas J., Coppard D., Rafique A., Rana K., Sengupta A.** (2001). Seasonal Migration, Social Change and Migrants' Rights: Lessons from West Bengal. *Economic and Political Weekly* 36, 49, 4547–4559.
- Samal C.** (2006). Remittances and Sustainable Livelihoods in Semi-Arid Areas. *Asia Pacific Development Journal* 13(2), 73–92.
- Sana M., Massey D.** (2005). Household Composition, Family Migration, and Community Context: Migrant Remittances in Four Countries. *Social Science Quarterly* 86(2), 509–528.
- Tsyplakov A.** (2007). A Guide to the World of Instrumental Variables. *Quantile* 2, 21–47 (in Russian).
- UNDP (2014). Economic Data. Human Development Index Trends Database. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/table-2-human-development-index-trends-1980-2013/> (accessed: November 2015).
- Uzdaily.uz (2014). *Uzdaily.uz*. Available at: <http://www.uzdaily.uz/> (accessed: November 2015).
- Woodruff C., Zenteno R.** (2001). Remittances and Microenterprises in Mexico. UCSD, Graduate School of International Relations and Pacific Studies Working Paper.
- World Bank (2014). Economic Data. WDI Statistical Database. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/all/> (accessed: November 2015).
- World Justice Project (2014). Economic Data. Statistical Database. Available at: <http://worldjusticeproject.org/> (accessed: November 2015).
- Ziesemer T.** (2012). Worker Remittances, Migration, Accumulation and Growth in Poor Developing Countries: Survey and Analysis of Direct and Indirect Effects. *Economic Modeling* 29(2), 103–118.

Поступила в редакцию 21 января 2015 года

S.V. Chepel

Institute of Forecasting and Macroeconomic Researches under the
Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

K.A. Bondarenko

Institute of Forecasting and Macroeconomic Researches under the
Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Is the External Labor Migration an Economic Growth Factor: Econometric Analysis and Policy Implications for the CIS Countries

Recent intensification of CIS countries instability has led to an intensification of migration flows in the post-soviet space. By providing multidirectional impact on the various growth factors, migration may both accelerate the development of specific countries and slow it down. The paper determines the issue of receiving higher benefit from these processes – either labor-exporting (the countries of Central Asia, Ukraine) or labor-importing countries (Russia). Using international organizations databases and the instrumental variables regression methodology we confirmed the hypothesis that in general in the long term for developing labor-exporting countries high level of labor migration constrains economic growth, although there may occur contrary situation at certain development conditions. The calculated threshold value for labor migrant remittances defines the value that inversely changes the impact of migration process on economic growth. We estimated elasticity coefficients of economic growth for certain countries of Central Asia. We defined practical recommendations to increase economic growth inclusivity of these countries by providing special economic measures, such as accelerating development of small industrial businesses and creating large numbers of new sustainable jobs.

Keywords: *economic growth, migration, remittances, institutional quality, human capital.*

JEL Classification: F22, J11, C51, O15, O50, F24.